

Виньетка В. Лангера, из Альманаха «Северные Цветы» 1829 г.

ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ.

1.

17 Сентября 1870 года — по единогласному отзыву театральныхъ рецензентовъ того времени — на сценѣ Маринскаго театра должно было быть большое торжество.

Была поставлена въ первый разъ трагедія Пушкина „Борисъ Годуновъ“.

Главные роли въ этой трагедіи были распредѣлены между слѣдующими артистами. Самозванецъ — Самойловъ, Борисъ Годуновъ — Леонидовъ, Пимень — Григорьевъ, Мнишекъ — Каратыгинъ, Варлаамъ — Бродниковъ, Мисаиль — Горбуновъ, Марина — Струйская 1, Рузя — Боброва, Хозяйка корчмы — Воронова.

Но если всѣ газеты того времени единодушно привѣтствовали постановку „Бориса Годунова“, то не менѣе единодушны были они и въ отзывахъ объ исполненіи этого произведенія Пушкина, причемъ не надо забывать, что среди цѣнителей были такія величины, какъ Н. Костомаровъ, В. Стасовъ.

Н. Костомаровъ выразился о постановкѣ Бориса Годунова даже слишкомъ сильно — „съ внѣшней стороны“, говорилъ онъ — „появленіе „Бориса Годунова“ на сценѣ составляетъ истиной феноменъ“. Рецензентъ

„С.-Петербур. Вѣдомостей“ добавлялъ: „всего замѣчательнѣе въ этомъ представленіи вышла постановка пьесы: роскошная, гшательная, научно-вѣрная до невѣроятности и вмѣстѣ съ тѣмъ настолько привлекательная, что заставляла до нѣкоторой степени забывать малую сценичность самой драмы Пушкина“.

Дѣйствительно, дирекція театровъ не пожалѣла ни трудовъ, ни средствъ. Были приглашены къ участию и лучшіе художники-декораторы, совѣтывались съ людьми науки, археологами, историками, для одежды заказали нарочно по образцамъ того времени ткани, наконецъ переустроили даже и освѣщеніе сцены, чтобы добиться лучшихъ свѣтовыхъ эффектовъ. Работали много, долго, упорно.

Но если съ внѣшней стороны постановка Бориса Годунова удовлетворила цѣнителей искусства—то исполненіе пьесы было ниже критики.

Вл. Зотовъ писалъ въ своей „Иллюстрированной Газетѣ“ 1870 г. № 38: „Если же эти артисты (первые артисты русской труппы) не умѣютъ читать стиховъ, не похожи на бояръ, если у насъ нѣтъ самозванца помоложе, ни Марины получше, ни Бориса почеловѣчнѣе, умѣющаго хотя бы говорить по русски—въ этомъ не виновата трагедія Пушкина... Сцена у фонтана, одна изъ лучшихъ сценъ въ трагедіи, при великолѣпной постановкѣ прошла очень дурно, потому что предъ зрителями была не юная, хитрая полька, не женщина змѣя, которая и льститъ и жалитъ, опутываетъ человѣка, очаровываетъ его, не красавица Марина, а невыносимая барышня, съ непріятнымъ органомъ (—такое неловкое выраженіе должно было означать: непріятный голосъ), угловатыми манерами, совершеннымъ неумѣніемъ выражать кокетство, нѣжность и гордость. Такая Марина не могла бы увлечь и престарѣлаго самозванца. Самойловъ читалъ эту сцену съ поддѣльнымъ жаромъ—мудрено въ 64 года изобразить пылкаго 20 лѣтняго юношу—онъ даже твердо выучилъ стихи, рѣдко перевиралъ ихъ, но годы все таки сказывались и—Вл. Зотовъ не могъ удержаться, чтобы не кольнуть Самойлова, къ которому онъ вообще относился скептически—молодой царевичъ все таки казался очень почтеннымъ Кречинскимъ. Публика однако вызывала своего любимца по окончаніи сцены, но ни одинъ голосъ не потребовалъ Струйскую, которая рѣшительно испортила роль Марины. Большая часть нашихъ артистовъ читаетъ про себя. Эта замашка особенно замѣтна у бояръ, вѣроятно, полагающихъ, что ворчатъ себѣ подъ носъ важнѣе и аристократичнѣе. Что говорили гг. Зубровъ, Озеровъ и др. врядъ ли слышали и изъ первыхъ рядовъ. Г. Григорьевъ, который старше ихъ всѣхъ и былъ очень плохъ въ роли Пимена, все таки читалъ свой монологъ такъ, что его было вездѣ слышно... Вообще послѣ этого представленія остался въ памяти только рядъ чудныхъ картинъ, но почти ни одного стиха, ни одного слова высказаннаго какъ слѣдуетъ... Это представленіе, на которое потрачено столько времени, усилій, денегъ, доказало, что наша труппа сносна только въ фарсахъ“.

Подобные отзывы находимъ и въ другихъ органахъ печати, всѣ единогласно говорили, что артисты не оказались на высотѣ положенія. Въ „Голосѣ“ № 260 нѣкто Д. А. подробно разобралъ сценарій „Бориса Годунова“ доказывая, что этотъ сценарій составленъ не только неумѣло, но вполне механически: составитель сценарія вычеркивалъ то, что ему казалось не подходящимъ, соединяя несоединяемыя сцены.

И окончательное резюме было сдѣлано Н. Костомаровымъ — родители сдѣлаютъ хорошо, если станутъ водить на это представление своихъ дѣтей.

2.

М. П. Погодинъ напечаталъ въ Москвитянинѣ 1855 года два любопытные разсказа о Пушкинѣ. Первый былъ ему переданъ А. Н. Раевскимъ („Демономъ“). „Пушкинъ не пропускалъ никогда въ Одессѣ заутрени на Свѣтлое Воскресенье и звалъ всегда товарищей „услышать голосъ русскаго народа“ (въ отвѣтъ на христосованіе священника). Ошибка Погодина — „всегда“ и „никогда“ такъ какъ слышать „голосъ русскаго народа“ въ Одессѣ Пушкинъ могъ только одинъ разъ (1824 г.); едва ли ему возможно было раньше проводить Пасху въ Одессѣ.

Вспоминая о своей жизни въ Коломнѣ, у Калинкина моста, Пушкинъ (Домикъ въ Коломнѣ) писалъ:

„Я живу
Теперь не тамъ, но вѣрно мечтою
Люблю летать заснувши на яву
Въ Коломну, къ Покрову — и въ воскресенье
Тамъ слушать русское богослуженье“.

Весьма характерно, что изъ сложнаго комплекта религіозныхъ чувствъ онъ особенно выдѣлялъ національный колоритъ.

„Кстати о Пушкинѣ“, продолжаетъ Погодинъ — „разскажу анекдотъ разсказанный мнѣ Гоголемъ и извѣстный еще прежде, кажется, отъ самаго дѣйствующаго лица. Около Одессы расположена была батарейная рота, и разставлены были на полѣ пушки. Пушкинъ гуляя за городомъ, подошелъ къ нимъ и началъ разсматривать внимательно одну за другою. Офицеры показали его наблюденія подозрительными, и онъ остановилъ его вопросомъ объ его имени, — Пушкинъ, отвѣчалъ онъ. — Пушкинъ! воскликнулъ офицеръ. Ребята пали! — и скомандовалъ торжественный залпъ. Весь лагерь встревожился. Сбѣжались офицеры и спрашивали причину такой необыкновенной пальбы. — Въ честь знаменитаго гостя, отвѣчалъ офицеръ. Вотъ, господа, Пушкинъ! — Пушкина молодежь подхватила подъ руки и повела съ триумфомъ въ свои цатры, праздновать нечаянное посѣщеніе. Офицеръ этотъ былъ Григоровъ, который послѣ пошелъ въ монахи и во время монашества познакомился со мною. Кажется, самъ онъ разсказывалъ мнѣ описанный случай, если не кто другой, — но я его зналъ уже, когда Гоголь, воротясь изъ послѣдняго своего неоконченнаго путешествія въ Малороссію повторилъ мнѣ этотъ разсказъ „... Объ этомъ передавалъ Гоголь также Льву Арнольди, занесшему разсказъ въ свои воспоминанія. Исторія эта, въ общемъ, заслуживаетъ довѣрія, хотя едва ли дѣло было въ Одессѣ. Петръ Александровичъ Григоровъ, такъ восторженно и красиво оказавшій въ юности царю русской поэзіи царственную почесть, умеръ въ 1851 году въ Оптиной Пустынѣ сорока семи лѣтъ отъ роду. Гоголь любилъ и цѣнилъ отца Порфирія, какъ назывался Григоровъ въ монашествѣ, и переписывался съ нимъ. (О Григоровѣ см. Ив. Щелговъ, Подвижникъ Слова, Спб. 1909, стр. 54—66, 148—153 и Новое о Пушкинѣ, Спб. 1902 (стр. 35—37).

3.

Отношенія лицейскихъ преподавателей къ Пушкину-воспитаннику и ихъ оцѣнка его способностей и характера, уже не разъ обращали на себя вниманіе біографовъ нашего поэта, и мы можемъ найти въ печати не мало интересныхъ отзывовъ о Пушкинѣ его профессоровъ и воспитателей. Въ брошюрѣ проф. И. Шляпкина: „Къ біографіи А. С. Пушкина“ Спб. 1899 г., приводится сводъ этихъ отзывовъ и мнѣній, какъ извѣстныхъ уже прежде, такъ и вновь найденныхъ. Извѣстна, на примѣръ, характеристика сдѣланная профессоромъ Россійской и Латинской Словесности Н. Кошанскимъ, въ 1812 году, помѣстившимъ Пушкина на 19-мъ мѣстѣ въ ряду воспитанниковъ, по порядку ихъ успѣховъ и прилежанія. „Александръ Пушкинъ, говоритъ онъ, больше имѣетъ понятливости нежели памяти, больше вкуса къ изящному, нежели прилежанія къ основательному: почему малое затрудненіе можетъ остановить его; но не удержитъ: ибо онъ, побуждаемый соревнованіемъ и чувствомъ собственной пользы, желаетъ сравниться съ первыми воспитанниками, успѣхи его въ латинскомъ довольно хороши, въ русскомъ не столько тверды, сколько блистательны“. Адъюнктъ А. П. Куницынъ (логика и нравственная философія), даетъ отзывъ: „Пушкинъ — весьма понятенъ, замысловатъ и остроуменъ но крайне не прилеженъ. Онъ способенъ только къ такимъ предметамъ, которые требуютъ малаго напряженія, а потому успѣхи его очень не велики, особливо по части логики“.

Гувернеръ и учитель рисованія Чириковъ говоритъ про Пушкина: (30 Сент. 1813 г.) „Легкомысленъ, вѣтренъ, неопрятенъ, нерадивъ; впрочемъ добродушенъ, усерденъ, учтивъ, имѣетъ особенную страсть къ поэзіи“.

1 Января 1814 года Адъюнктъ-профессоръ Иванъ Кайдановъ (Географія и Исторія), пишетъ: „Александръ Пушкинъ. При маломъ прилежаніи оказываетъ очень хорошіе успѣхи, и сіе должно приписать однимъ только прекраснымъ его дарованіямъ. Въ поведеніи рѣзвъ; но менѣе противу прежняго“.

Въ настоящее время опубликованы новые, крайне интересные документы, найденные въ бумагахъ А. К. Разумовскаго (бывшаго министромъ Народнаго Просвѣщенія въ началѣ царствованія имп. Александра I), которые недавно пожертвованы Пушкинскому Музею Лицея княземъ Николаемъ Васильевичемъ Репнинымъ. Бумаги эти содержатъ множество крайне интересныхъ свѣдѣній о Лицеѣ и въ частности о Пушкинѣ. Въ IV книгѣ „Лицейскаго Журнала“ (1910—11 г.г.), часть этихъ бумагъ уже опубликована Д. Мышецкимъ.

Приведемъ здѣсь нѣкоторые отрывки изъ отзывовъ преподавателей Пушкина, по новымъ документамъ.

Проф. Де Будри въ рапортѣ директору отъ 18 Ноября 1812 г. пишетъ: „Pouchkine. Il est devenu beaucoup plus appliqué que ci-devant, et ses progrès sont toujours soutenu“.

Адъюнктъ профессоръ Карцовъ говоритъ: „Очень лѣнивъ, въ классѣ невнимателенъ и не скромнъ, способностей не плохихъ, имѣетъ остроту, но къ сожалѣнію только для пустословія, успѣваетъ весьма посредственно“.

Названный уже выше учитель рисованія Чириковъ отзывается о Пушкинѣ такъ: „Отличныхъ дарованій, особеннаго прилежанія, но торопливъ и неосмотрителенъ; а потому и успѣхи его не столь ощутительны, какъ у первыхъ трехъ его товарищей“.

Профессоръ Куницынъ, отзывъ котораго мы уже приводили по изданію г. И. Шляпкина, къ своему мнѣнію о способностяхъ Пушкина, прибавляетъ еще слѣдующія слова о его характерѣ. „Характеръ имѣетъ живой, но скрытный, и вмѣстѣ вспылчивый.“

Выше была приведена характеристика Пушкина проф. Кайданова, еще раньше, въ ноябрѣ 1812 года, онъ писалъ: „Довольно хорошіе его успѣхи должно приписать болѣе его дарованіямъ нежели прилѣжанію. На вопросы отвѣчаетъ болѣе удовлетворительно, по разсѣянности же своей требуетъ строгаго надзора, и тогда можно ожидать отъ него прекраснѣйшихъ успѣховъ“.

Особенный интересъ представляетъ далѣе: „Отчетъ о поведеніи и свойствахъ г.г. воспитанниковъ Императорскаго Царскосельскаго Лицея, составленный надзирателемъ по учебной и нравственной части (Мартиномъ Пилецкимъ) въ Ноябрь 1812 года“. Изъ 30 воспитанниковъ, записанныхъ по алфавиту, Пушкинъ занимаетъ въ отчетѣ 24-е мѣсто:

„Пушкинъ (Александръ), 13 лѣтъ. Имѣетъ болѣе блистательныя нежели основательныя дарованія, болѣе пылкой и тонкой нежели глубокой умъ. Прилѣжаніе его къ ученію посредственно, ибо трудолюбіе еще не здѣлалось его добродѣтелью. Читавъ множество французскихъ книгъ, но безъ выбора приличнаго его возрасту, наполнилъ онъ память свою многими удачными мѣстами извѣстныхъ Авторовъ; довольно начитанъ и въ русской словесности, знаетъ много басенъ и стишковъ. Знанія его вообще поверхностны, хотя начинаеть нѣсколько привыкать къ основательному размышленію. Самолюбіе, вмѣстѣ съ честолюбіемъ, дѣлающее его иногда застѣнчивымъ, чувствительность съ сердцемъ, жаркіе порывы вспылчивости, легкомысленность и особенная словоохотность съ остроуміемъ ему свойственны. Между тѣмъ примѣтно въ немъ и добродушіе познавая свои слабости, онъ охотно принимаетъ совѣты съ нѣкоторымъ успѣхомъ. Его словоохотность и остроуміе воспріяли новый и лучшій видъ съ счастливою переменною образа его мыслей, но въ характерѣ его вообще мало постоянства и твердости“ (Орфографія подлинника).

Въ заключеніи Д. Мышецкій приводитъ два дѣла о проступкѣ воспитанниковъ Малиновскаго, Пушина и Пушкина, (приготовленіе и питье „напитка подъ названіемъ гогель-могель“) отъ 22 Сент. и 10 Окт. 1814 года, уже опубликованныя пр. И. Шляпкинымъ въ упомянутой брошюрѣ.

№ 5. Сентябрь 1911 г.

РУССКІЙ БИБЛІОФІЛЬ

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ВѢСТНИКЪ

для

СОБИРАТЕЛЕЙ КНИГЪ И ГРАВЮРЪ.

ВЫХОДИТЬ 8 РАЗЪ ВЪ ГОДЪ.

LE BIBLIOPHILE RUSSE

REVUE ILLUSTRÉE

DES AMATEURS DE LIVRES ET DE GRAVURES.

PARAÎT 8 FOIS PAR AN.

St. Pétersbourg.